

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-80-89
УДК 31.316.7(045)

Взгляд на межкультурную коммуникацию как взаимодействие жизненных миров и преодоление кризиса доверия*

С.А. Большунова^а, А.Г. Тюриков^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена научному наследию Андрея Яковлевича Большунова – мыслителя, ученого и наставника, который внес большой вклад в науку и дидактику. В статье рассматривается роль межкультурной коммуникации в социокультурной сфере как базовой для остальных сфер жизнедеятельности общества, включая политику, образование, науку и экономику. В работе в виде карты жизненных миров представлена авторская модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере. Жизненный мир понимается авторами как intersubjectively разделяемый повседневный мир индивида. Анализ отношений между социокультурными жизненными мирами в динамике позволяет констатировать наличие трансформаций, децентраций, пересборки социального, глобальной напряженности. Преодоление кризиса доверия, снижение международной напряженности, по мнению авторов, возможно за счет создания общего глобального жизненного мира. В качестве конкретных практик, способствующих созданию пространства intersubjectively разделяемых смыслов, предложены делиберативные мероприятия, основанные на модели абсолютного гостеприимства и обращения даров.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; жизненный мир; intersubjectivity; делиберация; абсолютное гостеприимство; кризис доверия; межкультурные конфликты

Для цитирования: Большунова С.А., Тюриков А.Г. Взгляд на межкультурную коммуникацию как взаимодействие жизненных миров и преодоление кризиса доверия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):80-89. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-80-89

ORIGINAL PAPER

A Look at Intercultural Communication as the Interaction of Lifeworlds and Overcoming the Crisis of Trust**

S.A. Bolshunova^а, A.G. Tyurikov^б

^{а,б} Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-9050-7280>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-8388-9543>

ABSTRACT

The article is devoted to the scientific heritage of Andrei Yakovlevich Bolshunov, a thinker, scientist, and mentor who made an outstanding contribution to science and didactics. The article examines the role of intercultural communication in the sociocultural sphere as a basic one for other spheres of society's life, including politics, education, science, and economics. In this paper, we presented the authors' model of intercultural communication in the sociocultural sphere in the form of a map of the lifeworlds. Under the term 'lifeworld', we understood by the authors as an intersubjectively shared everyday world of the individual. Analysis of the relationship between sociocultural lifeworlds in dynamics makes it possible to ascertain the presence of transformations, decentrations, reassembly of social, global tensions. Overcoming the crisis of confidence, reducing international tension, according to the authors, is possible through the creation of a common global lifeworld. Finally, we propose a specific practices that contribute to creating a space of intersubjectively shared meanings, deliberative activities based on the model of absolute hospitality and the circulation of gifts.

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University.

Keywords: intercultural communication; lifeworld; intersubjectivity; deliberation; absolute hospitality; crisis of confidence; intercultural conflicts

For citation: S.A. Bolshunova, A.G. Tyurikov. A look at intercultural communication as the interaction of lifeworlds and overcoming the crisis of trust. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):80-89. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-80-89

В настоящей статье представлены результаты теоретического исследования глобальной социокультурной ситуации, формирующей межкультурные коммуникации в современном мире.

По мнению авторов, именно социокультурная сфера общественной жизни является базовой для протекания любых межкультурных коммуникаций, поскольку остальные сферы, в частности политическая, экономическая, научная и пр., находятся внутри нее. Сходной точки зрения придерживаются авторы из разных областей науки. Например, экономисты. Р. Бэртон утверждает, что экономическая теория является культурной системой [1], а Т. Седлачек подчеркивает культурное происхождение экономики [2]. Помимо теоретической взаимосвязи культуры и экономики, существуют и конкретные эмпирические данные, указывающие на то, что экономическая деятельность индивида зависит от его культурной принадлежности, или, в нашей терминологии, его принадлежности к определенному жизненному миру. Так, множество работ посвящены описанию культурной специфики ведения бизнеса и межкультурных переговоров [3, 4]. Из данных текстов очевидно, что экономические акторы не руководствуются исключительно экономическими рациональными мотивами, — во многом их действия продиктованы культурной принадлежностью.

В политологии культурологический подход выражается в рассмотрении политики как поля культуры [5]. Подобно культурной специфике бизнеса можно говорить о культурных особенностях политики тех или иных стран или формаций. Аналогичным образом культурными особенностями обладает сфера образования, что отражается в формировании учебных программ и планов, отборе предметов, входящих в школьную или вузовскую программу, выборе методов обучения и его содержания. Культура влияет на все сферы жизнедеятельности общества. Таким образом, с точки зрения культурологического подхода экономика, политика, образование, наука представляют собой воплощения культуры.

Классическое определение социокультурной сферы в социологии базируется на создании и/или сохранении нормативной культурной традиции, разделяемой в той или иной степени всеми членами общества и передаваемой через различные социальные процессы [6]. Мы проанализируем некоторые из существующих подходов к демаркации социокультурных кластеров.

Во-первых, это цивилизационная модель С. Хантингтона. Еще в 1990-х гг. социолог С. Хантингтон размышлял о цивилизационных войнах как основной угрозе XXI в. [7]. Возможный раскол виделся ему не по географическим границам, но по границам цивилизаций. Под цивилизацией он понимал наивысшие культурные образования, объединяющие людей и обеспечивающие им культурную самобытность. С. Хантингтон выделял восемь основных цивилизаций: западную, исламскую, конфуцианскую, японскую, индуистскую, славяно-православную, латиноамериканскую и африканскую, а отношения между ними определял как более или менее конфликтные, но фактически никогда не нейтральные.

Другое распространенное деление представлено в рамках Всемирного обзора ценностей, начатого Р. Инглхартом и проводимого на протяжении последних 40 лет [8]. В исследовании выделено два основных измерения межкультурных вариаций: 1) традиционные и секулярно-рациональные ценности; 2) ценности выживания и самовыражения. Самая новая Всемирная карта ценностей включает 8 кластеров: африкано-исламские, латиноамериканские, православно-европейские, западно- и южноазиатские, конфуцианские, католическо-европейские, протестантско-европейские, ценности англоговорящих стран. Многолетнее исследование Р. Инглхарта демонстрирует, что ценности трансформируются, а карта со временем претерпевает существенные изменения.

Типологизация мира с позиции отечественного ученого обнаруживается у философа Н.Я. Данилевского, опубликовавшего труд «Россия и Европа» во второй половине XIX в. [9]. Он также оспаривает деление, основанное исключительно на географических и исторических признаках,

и настаивает на необходимости введения такого понятия, как «культурно-исторический тип», который определяется языком, культурными и психологическими факторами, присутствующими совокупности близких по духу народов. Всего Н. Я. Данилевский выделял одиннадцать типов: египетский, китайский, ассиро-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, арабийский, европейский и развивающийся славянский. Все типы признавались им самобытными цивилизациями, но особое внимание он уделял формирующейся славянской цивилизации. В зарождающийся Всеславянский союз, по его мнению, должны были войти: Россия, Украина, Беларусь, Польша, Чехия, Сербия, Черногория, Босния и Герцеговина, Хорватия, Болгария, Молдавия, Крит, Кипр, Родос, Венгрия.

Приведенный обзор нельзя назвать исчерпывающим, однако он является достаточным, чтобы сделать некоторые выводы. Во-первых, выделение социокультурных кластеров возможно на основании различных параметров: географии, языка, истории, традиций, социальных практик и институтов, ценностей, психологических факторов и пр. Во-вторых, несмотря на различия в параметрах, результат у многих авторов классификаций и типологий оказывается схожим. Это дает основания предполагать, что существуют некоторые фундаментальные различия социокультурных формаций, которые затем воплощаются в разных формах: ценностях, институтах, практиках и т.д. Мы предполагаем, что таким фундаментальным отличием является принадлежность к разным жизненным мирам, из которых исходят конкретные воплощения.

С точки зрения феноменологического подхода, которого придерживаются авторы статьи, онтология социокультурного строится посредством понятия интерсубъективности как обобщенного опыта представления. Жизненный мир — это интерсубъективно разделяемый повседневный мир индивида. Авторская модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере создана на основании определения, описывающего межкультурную коммуникацию как вид целенаправленного и самоорганизующегося коммуникативного взаимодействия, видообразующим признаком которого является дефицит интерсубъективно разделяемых ресурсов, возникающий вследствие того, что коммуниканты принадлежат разным жизненным мирам [10]. Вслед за Ю. Хабермасом

мы считаем, что жизненный мир конституируется различными интерсубъективно разделяемыми ресурсами, такими как общие смыслы, язык, ценности, общественные практики, социальные институты, символы, знания, первичная интерсубъективность [11]. Производство жизненных миров осуществляется посредством коммуникативных действий.

В отличие от цивилизаций, культурно-исторических типов и ценностных кластеров, жизненные миры, как уже сказано, конституированы интерсубъективными ресурсами. Соответственно, народы или сообщества будут относиться к одному жизненному миру, если у них есть общие интерсубъективные ресурсы. Иными словами, чем больше ресурсы схожи друг с другом, тем ближе жизненные миры.

Еще один важный параметр, который необходимо добавить к интерсубъективным ресурсам в социокультурной сфере, — «общность судьбы», о которой писал О. Бауэр, давая определение нации [12]. Общность судьбы означает совместное переживание сходной судьбы в постоянном общении и взаимодействии, что подчеркивает деятельностный аспект как дополнение к феноменологическим ресурсам. Данный параметр рассматривается нами не как определяющий признак нации, но как критерий оценки близости наций и народов между собой. Именно он позволяет объяснить социокультурное сходство России и таких бывших советских республик как Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Киргизия, которые похожи на Ближний Восток религией и культурой, и, с точки зрения С. Хантингтона, должны быть частью исламской цивилизации, но в настоящий момент ближе к России.

Итак, авторская дескриптивная модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере построена на основе анализа и синтеза существующих культурных типологий (С. Хантингтона, Р. Инглхарта, Н. Я. Данилевского) и применения нового методологического инструментария, созданного в рамках фундаментального исследования доверия в межкультурных коммуникациях. В результате выделено восемь жизненных миров (см. рисунок): евразийский, конфуцианский (китайский), западный, (который может быть разделен на европейский и англоговорящий), исламский, африканский, индуистский, латиноамериканский. Выделенные жизненные миры являются наиболее крупными формаци-

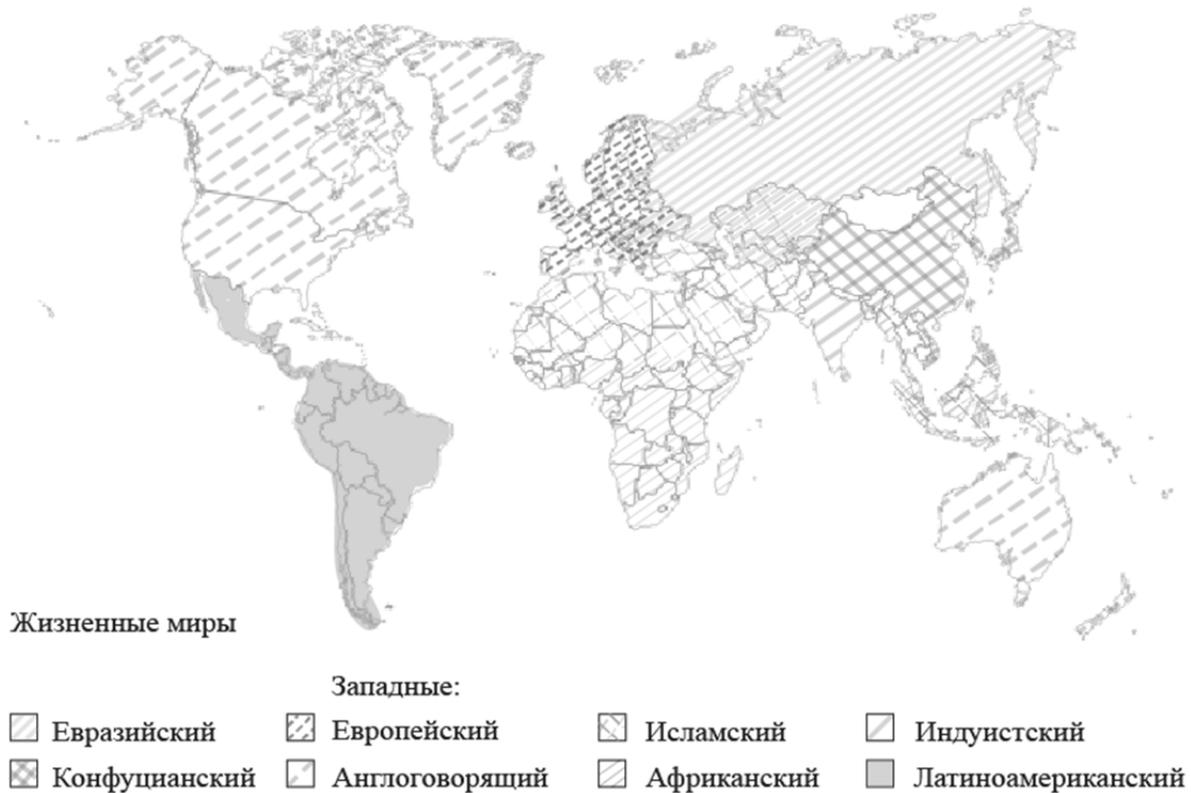


Рис. / Fig. **Дескриптивная модель межкультурной коммуникации в социокультурной сфере: карта жизненных миров / A descriptive model of intercultural communication in the sociocultural sphere: a map of the lifeworlds**

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ями, которые, подобно сферам, включают в себя меньшие элементы.

Основной чертой современной социокультурной ситуации является ее подвижность. Жизненные миры находятся в стадии трансформаций: некоторые из них разрушаются, другие децентрируются, и внутри них происходит пересборка социального [13]. Поскольку объединение всех существующих типологий и описание всех трансформаций, происходящих с жизненными мирами в мировом масштабе, невозможно в силу объема и трудозатратности, в рамках проводимого исследования было принято решение сосредоточиться на жизненном мире, в который включена Россия. Наиболее корректно обозначить его как евразийский, поскольку он объединяет страны, население которых принадлежит к разным конфессиям, языки которых относятся к разным языковым группам и т.д.

Россия как особый, меньший жизненный мир внутри евразийского, объединяет 85 субъектов и более 190 народов. Далее с разных сторон к РФ примыкают сходные социокультурные области. К одному жизненному миру, исходя из близости

интерсубъективных ресурсов, в первую очередь могут быть отнесены восточные славяне из России, Беларуси и Украины. Помимо общего прошлого, языка, религии, символов, существует ценностная близость данных стран в настоящем времени¹. При этом невозможно не замечать происходящие трансформации и разломы данного жизненного мира. Украинский Евромайдан 2013 г. был напрямую ориентирован на сближение с Европой и продолжал уже начатое движение в сторону западного жизненного мира. Важно отметить, что данная трансформация происходит, в том числе, через целенаправленное создание дефицитов интерсубъективных ресурсов: введение законодательных ограничений на использование русского языка; создание независимых социальных институтов; формирование независимого медиапространства, включая собственные СМИ, телевизионные проекты, социальные сети, блогосферу; пересмотр исторических фактов и конструирование новых символов и идентично-

¹ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp>

сти. Выборы президента в Беларуси, прошедшие в 2020 г., также продемонстрировали наличие общественных противоречий, которые, при их усилении и радикализации, потенциально ставят вопрос не только о выборе главы государства, но и о выборе жизненного мира.

Второй круг близости к жизненному миру, в который входит Россия, может быть выделен по параметру общей судьбы, сформировавшей общие интересубъективные ресурсы у изначально довольно разных стран, с точки зрения культуры, традиций, языка и (в некоторых случаях) религии. Речь идет о странах, входивших в СССР. Во-первых, это Грузия и Армения, которые могут быть выделены отдельно, поскольку являются православными и уже по этому параметру близки к рассматриваемому жизненному миру. Во-вторых, это государства Средней Азии: Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Азербайджан и Туркменистан. Времена Советского Союза оставили их населению в качестве наследия не только знание русского языка, общий культурный багаж, основанный на советском массовом искусстве (в первую очередь, кинематографе), но и характер функционирования социальных институтов, особенности общественных практик.

Однако и здесь наблюдаются признаки трансформаций и флуктуаций. В Грузии происходят процессы, как в Украине, — движение в сторону Запада. Во всех странах постсоветского пространства наблюдаются похожие политические процессы: авторитарные режимы устанавливаются в них на время или на постоянной основе, что приводит к накоплению общественного недовольства и восприятию Европы как альтернативы авторитаризму и коррупции. Таким образом, мы одновременно видим несомненное сходство указанных стран, но в то же время в динамике наблюдаем процессы разлома.

Особую группу, прилегающую к евразийскому жизненному миру, составляют страны Прибалтики, входившие в состав СССР: Латвия, Литва и Эстония. Именно здесь конфликт жизненных миров, напряженность и взрывные трансформации выражены особенно ярко. С одной стороны, Россия и Прибалтика также обладают общей судьбой, включая как советский период, так и периоды, когда Латвия, Литва и Эстония входили в состав Российской империи. Большинство жителей этого региона до сих пор владеет русским языком, по сей день ощутимы сходства в культуре

и традициях, например в национальной кухне². С другой стороны, политика отделения происходит в данных странах наиболее резко и жестко: законодательно ограничено использование русского языка, сносятся и переносятся памятники советского периода, проводятся информационные кампании среди населения. Такие меры носят слишком радикальный характер, поэтому международная правозащитная организация Amnesty International признала Языковую инспекцию Эстонии — орган, контролирующей неиспользование русского языка, — карательным и репрессивным³.

Последняя группа, причастная к евразийскому миру, может быть выделена на основании типологии Н. Я. Данилевского. Это славянские православные страны: Сербия, Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Болгария; в меньшей степени — славянские католические страны, в частности: Хорватия, Словения, Словакия, Польша, Чехия, а также европейские православные: Молдавия, Румыния, Греция и Кипр.

Социокультурная напряженность характерна для всех «пограничных», т.е. находящихся на стыке жизненных миров, стран. Более того, помимо напряженности внутри жизненных миров и на их границах, можно также констатировать кризис доверия и глобальную напряженность как борьбу метанарративов различных жизненных миров друг с другом. Это наблюдается и во взаимодействии евразийского мира с западным (о чем свидетельствует «вторая холодная война»), и в противостоянии части исламского мира остальным жизненным мирам, радикализации исламских движений.

Параллельно с этим разные социокультурные формации в настоящее время избирают различные стратегии сохранения социокультурной идентичности и единства. Глобально можно констатировать кризис доверия в международных коммуникациях. Для западной цивилизации характерна экспансия ценностей, для конфуцианской (в лице Китая) — эмансипация и самоизоляция; для индуистской — попытка соз-

² Lithuanian 2011 Population Census in Brief. URL: https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Lietuvos_gyventojai_2011.pdf/8321a3c1-c8b9-4468-825c-52a7b753f281

³ Эстония: языковая полиция получила новые рычаги для дискриминации. URL: https://archive.is/20120717111128/www.amnesty.org/en/library/asset/EUR_51/001/2007/en/e897d3cb-d3ad-11dd-a329-2f46302a8cc6/eur510012007ru.html#selection-283.0-283.65

дания более сильного социокультурного фона, нежели глобальные тренды; для евразийского мира — активная попытка противостоять культурной экспансии на международной арене; для исламского — жесткое отстаивание права на социокультурные проявления и самоопределение; для латиноамериканского — постколониальные движения [14]. Африканский жизненный мир, в силу слабого экономического и политического положения, оказывается вовлеченным в конфликты и революции, становясь площадкой для промышленной экспансии и политических игр западных стран.

Все это ставит перед Россией новые экзистенциальные вызовы. В настоящий момент наблюдается экзистенциализация кризиса в отношениях между разными жизненными мирами, что означает невозможность компромиссов. Каждый жизненный мир претендует на доминирование в политической и социокультурной сфере, однако интерсубъективные ресурсы миров зачастую противоречат друг другу и не могут быть совмещены просто по принципу сложения. Выходом из сложившейся ситуации может стать создание новой картины общего жизненного мира, в котором будет место и основным игрокам (России, Китаю, США и т.д.), и всем другим. Необходим новый глобальный консенсус. Сразу следует заметить, что создание общего жизненного мира не предполагает стирания границ и унификации, но подразумевает формирование зоны разделяемых всеми интерсубъективных ресурсов. Это не редуцирует существующие жизненные миры, но создает еще один, новый, в котором игроки обладают общими смыслами, ценностями, знаниями и т.д., и именно в рамках этого мира обретают способность к продуктивному диалогу.

Таким образом, преодоление кризиса доверия возможно за счет создания зон «активной интерсубъективности», методологически обеспечиваемых высоким уровнем рефлексии и герменевтики и формирующих запрос на ведущие гуманистические понятия. В политической сфере данной цели можно достичь с помощью международных мероприятий в логике коммуникативного действия и делиберативной политики Ю. Хабермаса [15]. В повестку подобных мероприятий должны выноситься глобальные (планетарные) вызовы и проблемы. Подобно авторам доклада Римского клуба, мы разделяем идею о задействовании в общепланетарных интересах потенциала отечественности разных культур [16]. Таким образом,

мероприятия должны быть сфокусированы не на разногласиях, а на общих вызовах. Разногласия же должны присутствовать в момент обсуждения, поскольку цель делиберативных практик — найти консенсусное решение, т.е. такую картину общего мира, в которой есть место видению каждого. Структура указанных мероприятий позволяет добиться эффективной межкультурной коммуникации, поскольку нацелена на создание общего жизненного мира.

Важно, чтобы делиберативные мероприятия носили не разовый, а повторяющийся характер. Перманентное функционирование зон формирования активной интерсубъективности позволит обеспечить непрерывную коммуникацию и генерацию ее новых форм. Делиберативные мероприятия возможны в разном формате, например как международные общественные жюри, советы мудрости, «группы озарения», различные формы, получившие развитие в форсайт-практиках и т.п. Несмотря на разнообразие форм, их применение — ноу-хау для межкультурной коммуникации. Различие форматов и масштабов делиберативных мероприятий связано с различием целей их проведения и техник модерирования. Обсуждение тех или иных вопросов, скажем, в рамках общественной организации низового уровня, в котором участвуют все или почти все ее члены, может представлять собой тривиальную форму «прямой демократии», а принятые в ходе ее обсуждения решения обычно имеют локальный характер. Напротив, для обсуждения сложных вопросов «регионального масштаба» лучше избрать формат типа «гражданское жюри», «конференция по достижению консенсуса», «делиберативная игра». Делиберативная игра является наиболее распространенным форматом данного направления. Ее правила более подробно описаны в других публикациях авторов⁴.

Несмотря на различие форматов, для делиберативных мероприятий характерны следующие общие правила, связанные друг с другом: 1) изложение того, что важно на самом деле; 2) добросовестное предъявление позиции от первого лица; 3) аргументированная позиция; 4) установка на понимание и взаимопонимание; 5) установка

⁴ Концептуально-методические рекомендации «Дискурсивные модели вовлечения занятых в производственном секторе социальных, деловых и профессиональных групп в производстве общественного капитала». URL: <http://cmrp.ru/uploads/methodology-social-capital.pdf>

на достижение консенсуса; 6) распаковывание («снятие мундиров» и статуса).

Соблюдение этих правил обеспечивает появление принципа субъектности, который «обозначает ...все те преобразования самого себя, которые нужны для получения доступа к истине [правде]», ...«нужно, чтобы субъект менялся, преобразовывался..., становился отличным от самого себя, чтобы получить доступ к истине», которая «дается субъекту только ценой введения в игру самого существования субъекта» [17]. Поскольку вызовы — это ситуации, на которые человек или человечество не могут найти ответа в настоящий момент (иначе не было бы и проблемы), поиск ответа подразумевает обретение участниками нового состояния.

Еще один механизм для создания общего жизненного мира кроется в мероприятиях, реализуемых на основании концепции абсолютного гостеприимства Ж. Деррида [18], которое рассматривается им как противоположность вторжению, одна из возможных стратегий при Встрече с Другим [19]. Абсолютное гостеприимство подразумевает Встречу разных жизненных миров во всей их полноте. При этом существуют два вида гостеприимства. Первое — наиболее распространенное — условное, или обусловленное законами, вытекающими из культуры, истории и религии, и вписанное в право, обычаи, этнос, нравственность. Условное гостеприимство предполагает предъявление социального статуса субъектов коммуникации, их определенность, названность. Второе — абсолютное гостеприимство — совершенно иное по своей природе. Оно упраздняет законы и требует полной открытости: «я открываю мой дом... я даю место не только иностранцу, но и абсолютному, неизвестному, анонимному другому, и я даю место [этим другим], ...без всяких взаимных обязательств с их стороны и даже — не спрашивая их имени» [18]. Так, в абсолютном гостеприимстве гость лишен идентичности, а значит, и ответственности, что влечет за собой отказ хозяина от любых ожиданий. Единственный закон гостеприимства — оно стоит вне законов. Абсолютное гостеприимство — это отношения, которые должны быть уникальными, сочетающимися одновременно креативность и ответственность хозяина. В ходе данного процесса хозяин и гость изобретают приемы речевой деятельности. Имеются в виду, конечно, не национальные языки, а язык как дискурсивная практика.

На практике установка на абсолютное гостеприимство создает уникальную ситуацию, поскольку учитывает и идеал, и приходящие от мира ограничения. Следовательно, задача заключается в следующем: каждый раз находить некий уникальный компромисс между полюсами абсолютного и условного гостеприимства. Политическая задача состоит в том, чтобы систематически создавать ситуации или пространства уникального компромисса, которые были бы относительно устойчивы и обеспечивали бы необходимую свободу, учитывая существующие правила. Подобно делиберативным мероприятиям, такие ситуации не могут носить разовый характер.

Принципы ситуаций абсолютного гостеприимства следующие: 1) они сочетают творчество и ответственность, уникальность и закон; 2) хозяин не имеет никаких ожиданий в отношении гостя; 3) Другой приходит туда, где происходит «переизобретение» языка; 4) гостеприимство всегда уникально.

Конкретным примером реализации модели абсолютного гостеприимства является чемпионат мира по футболу, проходивший в России в 2018 г. При подготовке к мероприятию были установлены особые правила, как формальные, так и неформальные. Так, был разработан Федеральный закон «О подготовке и проведении в РФ чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»⁵. Закон разрешал участникам чемпионата, включая болельщиков, въезд на территорию РФ без визы; осуществление трудовой деятельности без получения разрешения на работу или патентов и т.д. Формальные правила сочетались с неформальным праздником болельщиков на улицах российских городов.

Последняя сфера межкультурной коммуникации, которую предлагается рассмотреть в рамках данной статьи, — экономическая. Экономика вносит значимый вклад в трансформацию жизненных миров и влияет на процесс их пересмотра. Оставаясь в рамках идеи о необходимости создания общего жизненного мира

⁵ Федеральный закон «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147218/

для повышения эффективности межкультурной коммуникации, мы в качестве формы создания зоны активной интерсубъективности в сфере экономики предлагаем такие практики, как кула и потлач — «обращение даров». Потлач как специфический тип коммуникации обладает потенциалом, чтобы стать сферой производства доверия. Кула — очерчиваемое обращением символических даров пространство, в котором «туземцы ведут и обычную торговлю, и между отдельными островами происходит обмен множества предметов потребления». «Кула ... охватывает широкий спектр действий, которые друг с другом связаны и влияют друг на друга так, что составляют единое органическое целое» [20].

Кратко суть обращения даров можно описать в двух стратегиях:

1. Межкультурная коммуникация артикулируется как смысловой дар [21]. Подобная стратегия прорабатывалась авторами доклада Римского клуба за 2018 г. в отношении общепланетарной экологической повестки [16].

2. Внедрение логики «потлач» в международные отношения, т.е. внедрение принципов безусловности коммуникаций, добровольной уязвимости, бескорыстия, искренности, взаимности, безоговорочности всех атрибутов человечности, вовлеченных в обращение даров (таких, как щедрость, благородство, великодушие, милосердие).

Важно подчеркнуть, что такие мероприятия не ограничиваются профессиональными дипломатическими коммуникациями, но несут печать различных форм общественной и народной дипломатии. Основная цель обращения даров — производство и стимулирование новых форм общения. Следовательно, показателем эффективности обращения даров будет непрерывающаяся доверительная коммуникация, несмотря на вызовы, внешние условия и барьеры.

Обозначенные практики формирования зон активной интерсубъективности (делиберативные мероприятия, мероприятия, реализующие модель абсолютного гостеприимства, и обмен дарами) на первый взгляд могут показаться утопией. Однако без них межкультурные коммуникации будут иметь формальный и утилитарный характер. «Если мы попытаемся вывести политику гостеприимства из мечты о гостеприимстве без условий, это будет не только невозможно, но будет иметь извращенные последствия. [Но] несмотря на эту перспективу извращения, несмотря на эту невозможность, мы продолжаем мечтать или думать о чистом гостеприимстве, о чистом даре» [22]. Примеры воплощения данных моделей в современном мире, в частности различные формы делиберативных игр, культурные и спортивные события, теория предметов Ж. Бодрийяра, основанная на принципе «кула и потлач» [23], демонстрируют, что они не являются утопией, а, напротив, открывают возможности для формирования общего жизненного мира и выстраивания межкультурных коммуникаций на его основе.

Обобщая вышесказанное, еще раз обозначим основные моменты. Анализ современных отношений между жизненными мирами позволяет охарактеризовать существующие межкультурные коммуникации и глобальную ситуацию в международных отношениях в целом как напряженные. Чтобы изменить сложившееся положение, необходимо сформировать общий жизненный мир, в котором будут представлены смыслы каждого. Для этого надо создать пространство активной интерсубъективности, что возможно за счет формирования общих интерсубъективных ресурсов. В качестве практик, направленных на реализацию данной цели, предлагаются делиберативные мероприятия, базирующиеся на моделях абсолютного гостеприимства и обращения даров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Benton R. Economics as a Cultural System. *Journal of Economic Issues*. 1982;16(2):461–469.
2. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М.: Ад Маргинем Пресс; 2016. 544 с.
3. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации (для бакалавров). М.: КноРус; 2016. 254 с.
4. Hofstede G. *Cultures and organizations: Software of the Mind*. NY: McGraw-Hill; 1991. 246 p.
5. Ижикова Н.В. Культура и политика. Методологические проблемы. *Социологические исследования*. 2007;(5):95–103.
6. Михеева Н.А. Социальное управление как фактор развития социально-культурной сферы. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_14._mart_2008_g./mikheeva.pdf

7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство-АСТ»; 2003. 603 с.
8. Inglehart R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American sociological review*. 2000;65(1):19–51.
9. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации; 2008. 816 с.
10. Тен Ю. П. Анализ дескриптивных и прескриптивных моделей межкультурных коммуникаций в социально-экономической сфере. *Философия и культура социума: подходы, концепции, мнения*. 2021;21(3):78–87.
11. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука; 2001. 379 с.
12. Гнатенко П.И. Национальная психология. Монография. Днепропетровськ: Поліграфіст; 2000. 213 с.
13. Большунов А. Я., Большунова С. А., Тюриков А. Г. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2019;9(6):6–9.
14. Briggs J. and Sharp J. Indigenous knowledges and development: a postcolonial caution. *Third World Quarterly*. 2004;25(4):661–676.
15. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука; 2001. 417 с.
16. Weizsäcker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer; 2018. 220 p.
17. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука; 2007. 677 с.
18. Derrida J. Of hospitality. Anne Dufourmantelle invites Jacques Derrida to respond; translated by Rachel Bowlby. Stanford; 2000. 162 p.
19. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: Российская политическая энциклопедия; 2011. 510 с.
20. Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); 2004. 552 с.
21. Smith A.R. Phenomenology of Intercultural Communication. URL: https://www.academia.edu/7282485/Phenomenology_of_Intercultural_Communication
22. Деррида Ж., Марион Ж. О даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан Люком Марионом. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dare-diskussiya-mezhdu-zhakom-derrida-i-zhanlyukom-marionom>
23. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Академический Проект; 2007. 335 с.

REFERENCES

1. Benton R. Economics as a Cultural System. *Journal of Economic Issues*. 1982;16(2):461–469.
2. Sedlacek T. The economy of good and evil. In search of the meaning of Economics from Gilgamesh to Wall Street. Moscow: Ad Marginem Press; 2016. 544 p. (In Russ.).
3. Sadokhin A.P. Introduction to the theory of intercultural communication (for bachelors). Moscow: KnoRus; 2016. 254 p. (In Russ.).
4. Hofstede G. Cultures and organisations: Software of the Mind. NY: McGraw-Hill; 1991. 246 p.
5. Izhikova N.V. Culture and politics. Methodological problems. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological research*. 2007;(5):95–103. (In Russ.).
6. Mikheeva N.A. Social management as a factor in the development of the sociocultural sphere. State management. Electronic bulletin. 2008;(14). URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2008/vipusk_14._mart_2008_g./mikheeva.pdf. (In Russ.).
7. Huntington S. The clash of civilisations. Moscow: Publishing House-AST; 2003. 603 p. (In Russ.).
8. Inglehart R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000;65(1):19–51.
9. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2008. 816 p. (In Russ.).
10. Ten Yu.P. Analysis of descriptive and prescriptive models of intercultural communications in the socio-economic sphere. *Filosofiya i kul'tura sotsiuma: podkhody, kontseptsii, mneniya = Philosophy and culture of society: approaches, concepts, opinions*. 2021;21(3):78–87. (In Russ.).
11. Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. Saint Petersburg: Nauka; 2001. 379 p. (In Russ.).
12. Gnatenko P.I. National psychology. Monograph. Dnipro: Poligrafist, 2000. 213 p. (In Russ.).

13. Bolshunov A. Ya., Bolshunova S. A., Tyurikov A. G. Intercultural communication: challenges of the global transformation of lifeworlds. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(6(42)):6–9. (In Russ.).
14. Briggs J., Sharp J. Indigenous knowledges and development: a postcolonial caution. *Third World Quarterly*. 2004;25(4):661–676.
15. Habermas Yu. The inclusion of the Other. *Essays of political theory*. St. Petersburg: Nauka; 2001. 417 p. (In Russ.).
16. Weizsaecker E., Wijkman A. *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer; 2018. 220 p.
17. Foucault M. *Hermeneutics of the subject. A course of lectures delivered at the Collège de France in 1981–1982*. St. Petersburg: Nauka; 2007. 677 p. (In Russ.).
18. Derrida J. *Of hospitality. Anne Dufourmantelle invites Jacques Derrida to respond*; translated by Rachel Bowlby. Stanford; 2000. 162 p.
19. Avtomomova N. S. *The philosophical language of Jacques Derrida*. Moscow: Russian Political Encyclopedia; 2011. 510 p. (In Russ.).
20. Malinovsky B. *Favorites: Argonauts of the western part of the Pacific Ocean*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); 2004. 552 p. (In Russ.).
21. Smith A. R. *Phenomenology of Intercultural Communication*. URL: https://www.academia.edu/7282485/Phenomenology_of_Intercultural_Communication
22. Derrida J., Marion J. *About the gift: a discussion between Jacques Derrida and Jean Luc Marion*. *Philosophical and literary magazine "Logos"*. 2011;3(82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-dare-diskussiya-mezhdu-zhakom-derrida-i-zhanlyukom-marionom>. (In Russ.).
23. Baudrillard J. *On the criticism of political economy of the sign*. Moscow: Academic Project; 2007. 335 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

София Андреевна Большунова — младший научный сотрудник международного центра социальной экспертизы и развития департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
SABolshunova@fa.ru

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, руководитель департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
AGTyurikov@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sofia Andreevna Bolshunova — Junior Research Fellow, International Center for Social Expertise and Development, Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
SABolshunova@fa.ru

Alexander Georgievich Tyurikov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
AGTyurikov@fa.ru

Статья поступила 25.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.

The authors read and approved the final version of the manuscript.